

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

«НЕМЕЦКИЙ» УКАЗ Е. И. ПУГАЧЕВА

Р. В. Овчинников

В конце января 1833 г. Пушкин внес в рабочую тетрадь план исторической повести о дворянине-пугачевце Шванвиче¹. Вскоре поэт-историк приступил к осуществлению параллельного творческого замысла — созданию научной монографии «История Пугачева»². Работая одновременно над обоими произведениями, Пушкин просмотрел русскую и зарубежную литературу о Пугачевском восстании, изучил архивные документы Военной коллегии (в их числе были подлинные манифесты и указы Пугачева, выступавшего под именем «императора Петра III»), собрал мемуарные источники, записал народные песни и предания о Пугачеве, воспоминания современников Крестьянской войны 1773—1775 гг.³

Конспектируя текст журнала Оренбургской губернской канцелярии («Журнал Рейнсдорпа»), полученный вместе с другими документами в конце марта 1833 г. из архива Военного министерства⁴, Пушкин внес в «архивную тетрадь» запись о бумагах, подброшенных казаками-пугачевцами под стены осажденного Оренбурга при сражении 20 декабря 1773 г.: «При сем передано 3 соблазнительные листа, один на россе [ийском], другой на нем [ецком] языке, а 3-й самим вором Пугачевым намаранной⁵ и не изъясляющий никаких литер»⁶. Позднее, просматривая и конспектируя хронику П. И. Рычкова «Осада Оренбурга», полученную от Г. И. Спасского в июле 1833 г.⁷, Пушкин вновь встретил сообщение о подброшенных к стенам Оренбурга трех пугачевских воззваниях: «Городские казаки имели с некоторыми наездниками их (пугачевцев.— Р. О.) переговоры, при котором передали они злодеевы три письма, из коих, как слышно было, одно на русском языке,— указ к губернатору, но самым глупым стилем о сдаче города писанное, другое — на немецком языке, но самый худой перевод из того указа, третье — ничего не значущее, но в одних только черточках (наподобие того, как незнающие грамоте дети иногда пишут) состоящее, и такими ж пустыми чертами не в одном месте подписанное письмо, видно, самим злодеем, как незнающим грамоте, для обмана находящегося при нем простаков писанное, в том виде, якобы он знает грамоте и сам от себя партикулярно к губернатору писал»⁸.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VIII. М.—Л. 1948, стр. 929.

² А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси. 1963.

³ Г. П. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л. 1949; Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». — «Пушкин. Исследования и материалы». Т. III. М.—Л. 1960; его же. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — «Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей всесоюзной пушкинской конференции». М.—Л. 1953; Р. В. Овчинников. Пугачевские бумаги в архивных тетрадях Пушкина. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М. 1963; его же. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева (автореферат диссертации). М. 1965; А. И. Чхеидзе. Указ. соч.

⁴ Письмо военного министра А. И. Чернышева А. С. Пушкину от 29 марта 1833 г. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XV. М.—Л. 1948, стр. 57.

⁵ Имеется в виду автограф неграмотного Пугачева. Он был воспроизведен Пушкиным в приложении к «Истории Пугачева» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. I. М.—Л. 1938, стр. 158). См. Р. В. Овчинников. Автографы Пугачева. «Вопросы архивоведения», 1960, № 6, стр. 56—69.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2, стр. 527.

⁷ Там же. Т. XV, стр. 68.

⁸ Там же. Т. IX, ч. I, стр. 276.

Пушкин, как известно, фиксировал в «архивных тетрадах» все наиболее примечательные повстанческие документы⁹. Поэт-историк не мог пройти и мимо приведенных выше сообщений о трех уникальных документах из Пугачевского штаба: автографа самого Пугачева, его именного указа к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу и дубликата этого указа на немецком языке. Последний документ имел для Пушкина наибольший интерес и прежде всего потому, что он свидетельствовал о наличии в ближайшем окружении Пугачева хорошо образованного человека, свободно владевшего немецким языком. Такого человека Пугачев не мог найти ни среди янских казаков, ни среди заводских крестьян, из которых вышли виднейшие деятели восстания. Судя по всему, составителем «немецкого» указа мог быть только дворянин, вольно или невольно оказавшийся во враждебной ему среде пугачевцев. Именно эти наблюдения и могли привлечь внимание Пушкина, который обдумывал сюжет исторического произведения о дворянине-пугачевце, реализованный позднее в повести «Капитанская дочка».

Но кто же конкретно был составителем «немецкого» указа Пугачева? Ответ на этот вопрос нашел сам Пушкин в беседе с неким Н. Свечиным, встретившись с ним, по нашему предположению, в Петербурге в начале августа 1833 года¹⁰. Сохранилась пушкинская запись рассказа Н. Свечина, в которой сообщается: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича. Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштадтским комендантом, после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина.— Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре.— Играя со Свечиным в ломбер, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат он был на немке. Сын его старший недавно умер»¹¹.

Пушкинисты многое сделали для изучения биографии невольного пугачевца М. А. Шванвича и его родственников, для установления личности пушкинского информатора Н. Свечина¹², но оставили без внимания начальную фразу рассказа Н. Свечина: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича». Как это ни странно, но сообщение о «немецких» указах Пугачева не вызвало особого интереса у историков-исследователей Пугачевского восстания: в фундаментальной монографии Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (СПб. 1884) и во втором томе коллективного исследования советских историков «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева» (Л. 1966) можно встретить лишь крайне скудные упоминания об этих уникальных источниках, не были они напечатаны и в наиболее полной публикации повстанческих документов — сборнике «Пугачевщина». Т. 1 (М.—Л. 1926). Судя по всему, и пуш-

⁹ См. Р. В. Овчинников. Пугачевские бумаги в архивных тетрадах А. С. Пушкина. «Археографический ежегодник за 1962 год». М. 1963.

¹⁰ Основанием для нашей датировки встречи Пушкина с Н. Свечиным служит пушкинская запись рассказа Н. Свечина, сделанная на бумаге, которой Пушкин стал пользоваться с августа 1833 г. (см. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.—Л. 1937, стр. 137, ср. стр. 101, 127, 226, 322).

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940, стр. 498. Позднее Пушкин записал и другие рассказы об А. М. Шванвике, отце офицера-пугачевца М. А. Шванвича, используя их в «Замечаниях о бунте», поданных Николаю I в январе 1835 г. при поднесении экземпляра «Истории Пугачевского бунта» (см. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1. М.—Л. 1938, стр. 479—480). Осенью 1835 г. Пушкину попала рукопись записок оренбургского священника И. Полянского (из «Пугачевского» портфеля) Г. Ф. Миллера, хранящегося в Московском главном архиве МИД), в которой он нашел следующее сообщение о М. А. Шванвике: «Шванович ему, Емельке, верно служил, так что не только русские, но и немецкие в Оренбург присылал на Емелькино имя с большим титулом письма и манифесты варварские» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2, стр. 594. См. также Р. В. Овчинников. О разысканиях «Пугачевского портфеля» Г. Ф. Миллера. «Исторический архив», 1962, № 5). В записках полковника М. Н. Пекарского, оказавшихся у Пушкина в 1836 г., сообщалось о том, что М. А. Шванвич был письмоводителем у Пугачева (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940, стр. 606).

¹² Г. П. Блок. Путь в Берду (Пушкин и Шванвич). «Звезда». 1940, №№ 10, 11; Н. И. Фокин. К истории создания «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. «Ученые записки» Уральского педагогического института имени А. С. Пушкина. Т. IV, вып. 3. Уральск. 1957; Д. П. Якубович. «Капитанская дочка» и романы Вальтер-Скотта. «Временник Пушкинской комиссии». Кн. 4—5. М. 1939; Е. Н. Куприянова. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л. 1947; Н. И. Черняев. «Капитанская дочка» Пушкина. Историко-критический этюд. М. 1897.

кинисты и историки либо не смогли обнаружить этих документов в архивах, либо, не предпринимая специальных розысков (что ближе к истине), попросту не заметили их среди многих других архивных бумаг.

А сохранились ли вообще «немецкие» указы Пугачева в архивах? И мог ли встретить их Пушкин, собирая в архивах материалы для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки»? Для ответа на эти вопросы необходимо было пройти по следам архивных разысканий Пушкина, пересмотреть побывавшие в его руках документы, обратиться и к другим материалам, к которым поэт-историк не смог получить доступа в условиях николаевского времени.

Розыски привели нас в Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА). Здесь хранятся десять огромных книг-фолиантов с документами делопроизводства Секретной экспедиции Военной коллегии по подавлению Пугачевского восстания. Известно, что все десять книг более двух с половиной лет находились на квартире Пушкина (с марта 1833 г. по ноябрь 1835 г.)¹³ и он сделал в своих «архивных тетрадах» большое число копий, выписок и конспектов с документов этих книг¹⁴. В четвертой «пугачевской» книге находится подлинный «Журнал Рейнсдорпа» и в нем — архивный источник, из которого Пушкин сделал конспективную запись о трех пугачевских бумагах, подброшенных 20 декабря 1773 г. казаками-повстанцами под стены осажденного Оренбурга: «При сем сражении и при переговорке здешних легких войск передано от злодея 3 соблазнительные листа, из коих первой на российском, другой на немецком диалекте, а третьей, видно, самим им, вором Пугачевым, для уверения находящихся в толпе его намаранной и не изъясляющей никаких литер»¹⁵. Далее в этой же записи сообщается, что все три пугачевские бумаги «в оригинале под № 2-м при сем приобщаются». И действительно, в приложениях к «Журналу Рейнсдорпа» под № 2 даны: именной указ Пугачева («императора Петра III») к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г., «немецкий» указ аналогичного содержания и, наконец, автограф Пугачева. Пушкин не мог не отметить эти документы. Указ от 17 декабря 1773 г. он полностью скопировал на отдельном листе и сохранил его в своем собрании бумаг по Пугачевскому восстанию¹⁶, но по условиям времени не смог опубликовать в «Истории Пугачева». Автограф Пугачева он воспроизвел (часть текста) в приложениях к своей монографии с пояснением: «Подпись под указами Самозванца»¹⁷, а в «Капитанской дочке» упомянул о нем, назвав пропуск Гринева, «подписанный каракульками Пугачева»¹⁸. Надо полагать, что Пушкин не оставил без внимания и «немецкий» указ Пугачева, но, к сожалению, в рукописном наследии поэта-историка не сохранилось каких-либо следов этого документа.

Обнаруженный нами «немецкий» указ Пугачева является, видимо, единственным воззванием на немецком языке, написанным рукой Шванвича; других «немецких» указов Пугачева разыскать не удалось, да вряд ли они и существовали. По показаниям самого Шванвича на допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии известно, что «немецкий» указ был составлен им по поручению Пугачева по русскому оригиналу знаменитого пугачевского манифеста, начинавшегося словами: «Небезызвестно есть каждому верноподданному...». Текст этого манифеста был полностью повторен и в указе 17 декабря 1773 г. оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу; этот указ и использовал Шванвич, переведя его на немецкий язык. Шванвич рассказал на до-

¹³ См. письма военного министра графа А. И. Чернышева А. С. Пушкину от 25 февраля и 29 марта 1833 года (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XV. М.—Л. 1948, стр. 51, 57) и письмо А. С. Пушкина к генералу графу П. А. Клейнмихелю от 19 ноября 1835 г. (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. XVI. М.—Л. 1949, стр. 63); см. также Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». «Пушкин. Исследования и материалы». Т. III. М.—Л. 1960, стр. 442—445.

¹⁴ Пушкинские «архивные тетради» опубликованы в кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии), дела о Пугачеве, кн. 4, л. 13.

¹⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 2. М.—Л. 1940, стр. 687—688 (оригинал хранится в Пушкинском Доме, отдел рукописей, ф. 244, оп. I, № 382).

¹⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1, стр. 158.

¹⁸ Там же. Т. VIII, стр. 358.

просе, при каких обстоятельствах был написан им «немецкий» указ: «Прислал Пугачев казака, чтоб я шел в канцелярию. А как пришел, то секретарь злодея Горшков сказал: «До тебя есть дело», и, вынув указ, тот, в котором в заглавии написано «Небезызвестно есть каждому» говорил: «Батюшка-государь Петр Федорович велел тебе перевести оный указ на немецкий язык», который я и перевел»¹⁹. Эти же данные подтвердили своими показаниями Пугачев на допросе в Москве 4—14 ноября 1774 г.²⁰ и секретари повстанческой Военной коллегии М. Д. Горшков и И. Я. Почиталин на допросе в Оренбургской секретной комиссии 8 мая 1774 г.²¹.

Приводим текст «немецкого» указа Пугачева и русский текст оригинала — пугачевский указ оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 года. В сноске дается современный русский перевод с рукописи Шванвича*.

«Немецкий» указ Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу.

18—19 декабря 1773 г.

An unsern Gouwernant Reinsdorff.

Ein jeder Unser treuer Unterthan weiss, das wie Wir von booshaffen Leuten und von Neidhart, allrussischen und nach allen Rechten Uns gehörten Tron, verlohren haben. Aber anjetzo der allmächtiger Gott nach seiner Gerechten Schicksal, und in dem die herzliche zu ihm Gebethen von Unseren treuen Unterthanen, hörete, Unser Sköpelt uns wieder gebet, und die Miss-thäter, die voll Neidhart sind, Unseren Monarschen Füssen unterwirft. Aber auch jetzo seynd etliche, die sich nicht bekennen, und aus Finsterniss der Neidhart nicht auskommen wollen, und Unserer hohen Macht sich widerstehen, und dabei unsere blümende Nhamen, so als wie ehedem umstürzten und Unsere Unterthanen, die rechte Söhne des Vaterlandes, so als wie die junigen Knaben zu Waisen bringen wollen, allein Wir, nach Unserer gebürtigen zu treuen Unterthanen Hochmuth und Liebe, wer auch, anjetzo aus Irrthum der

Именной указ Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу.

17 декабря 1773 г.

Указ нашему губернатору Рейнсдорпу.

Небезызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом не от доброжелателей и зависцов общаго покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были. А ныне всемогущий господь бог неизреченными своими праведными судьбами, а молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов, скипетру нашему покоряет, а зависцов общему покою и благодатию под ноги наша подвергает. Только и ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство, и высокой власти нашей чинят противление и непокорение, и тшатся процветшаяся имя наша таким же образом, как и прежде, угасить, и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев осиротить. Однако мы, по природному нашему к верноподданному отеческому и неизреченному велико-

¹⁹ «Пугачевщина». Т. III. Из следственных материалов и официальной переписки. М.—Л. 1931, стр. 212.

²⁰ «Красный архив», 1935, № 2—3 (69—70), стр. 202; см. также показания Пугачева на допросе в Яицком городке 16 сентября 1774 г. («Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 117) и его показания на допросе в Симбирске 2—6 октября 1774 г. («Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 114).

²¹ «Пугачевщина». Т. II. Из следственных материалов и официальной переписки. М.—Л. 1929, стр. 111; ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, лл. 92—93.

* Современный перевод: Нашему губернатору Рейнсдорпу.

Каждый наш верноподданный знает, каким образом злобные люди и недоброжелатели лишили нас по всем правам принадлежащего нам всероссийского престола. Но ныне всемогущий бог своими праведными судьбами и, услышав сердечные к нему молитвы, снова преклоняет к нашему престолу наших верноподданных, а злодеев, исполненных недоброжелательства, повергнет к нашим ногам. Однако и ныне есть такие люди, которые, не желая признавать нас, не хотят выйти из мрака недоброжелательства и сопротивляются нашей высокой власти, и при этом стремятся, как и прежде, ниспровергнуть наше блистательное имя, и наших подданных, верных сынов отечества, хотят сделать сиротами. Однако мы, по природной нашей склонности и любви к тем верноподданным, которые ныне, оставя заблуждение и злобу, будут чистосердечно и верноподданнически служить нашей высокой власти, будем милостиво отмечать и жаловать отеческой вольностью. А если кто не пожелает нас признавать, и впредь будет оставаться в прежнем недоброжелательстве и озлоблении, то таковые отступники, по данной нам от создателя высокой власти и силе, испытуют на себе наш справедливый и неизбежный гнев. Обо всем этом и сообщается от нас во всеобщее сведение, дабы важность этого осознал каждый наш верноподданный.

Декабрь 1773 года.

Boosheit wieder auskommen, und Unserer hohen Macht herzlich gehorhen, und treuunterthänigst dienen wird, den junigen Gnädigst verzeihen; und über das väterliche Freyheit versprechen. Und wenn wer das nicht annehmen will, und noch in solcher Missthat und Boosheit verbleiben wird; und von allmächtigen Schöpfer Uns gegebener hohen Macht und Gewalt nicht gehorchen wird, so werden die jenigen Unsern gerechten und wurcklichen Zorn an sich fühlen. Und darum ist das von Uns in ganze Public geschicht, in dem sich ein jeder treuer Unterthan wesendlich bekennt.

Anno 1773 Decembre dato ²².

душию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покорится и во всеподданнической должности быть повиниться, всемилостейше прощаем; сверх того, всякою вольностию отеческой вас жалуем. А буде же и за сим в таком же ожесточении и суровости останется, и данной нам от создателя высокой власти не покорится, то уже неминуемо навлечети на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнения, а всенародно истиннаго познания сим и публикуется.

Декабря 17 числа 1773 года.

Petr ²³.

Как видно из приведенных текстов, Шванвич превосходно знал немецкий язык. Об этом свидетельствует устойчивая графика старонемецкого готического письма, стиль и содержание самого указа, довольно верно, хотя и не дословно сохранившие основные особенности оригинала, его смысл и дух. Все это и позволяет нам отвергнуть неверное суждение П. И. Рычкова (основанное, кстати говоря, на слухах) о том, что «немецкий» указ представляет собой «самый худой перевод» с русского текста указа Пугачева ²⁴.

Источники позволяют вполне точно датировать «немецкий» указ. Имеются два отправных момента для датировки этого документа: 1) 17 декабря 1773 г.— дата указа Пугачева (на русском языке) и 2) 20 декабря 1773 г.— день, когда три пугачевских бумаги были подброшены к стенам Оренбурга. Исходя из этих данных, «немецкий» указ (представляющий собой перевод с русского оригинала указа 17 декабря 1773 г.) мог быть написан Шванвичем не ранее 17 декабря и не позднее 20 декабря 1773 г., а более точно его можно датировать 18—19 декабря 1773 года.

В своих показаниях на допросе в Тайной экспедиции Сената 4—14 ноября 1774 г. Пугачев подробно осветил обстоятельства составления «немецкого» указа и отправки его в осажденный повстанцами Оренбург: «В одно время, и имянно, в Рождество Христово, увидя Шваныча,— вспоминал Пугачев,— говорил же он (Пугачев): «Ну, Шванович, напиши по-немецки к оренбургскому губернатору, чтоб он принял меня в город с шестию и драться бы перестал». Шваныч письмо написал. Он, посмотря ево, сказал: «Хорошо»,— и тот час то письмо отдал казаку Ивану Солодовникову и приказал отвести оно в город. Солодовников, взяв письмо, повез, и потом, возвратясь назад, сказал ему, што письмо, подвесчи к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел он, что высланный из города казак то письмо взял и поскакал в город. Но он, Емелька, на то письмо из города в ответ ничего не получал» ²⁵.

Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, получив три пугачевских бумаги (в том числе и «немецкий» указ), отправил их при своем рапорте от 24 декабря 1773 г. в Петербург в Военную коллегию ²⁶. Видимо, уже в начале января 1774 г. президент Коллегии граф З. П. Чернышев на очередной аудиенции в Зимнем дворце доложил императрице Екатерине II полученные из Оренбурга бумаги. Появление из лагеря повстанцев документа на немецком языке всерьез обеспокоило императрицу. Она и раньше считала, что стихийное восстание народа было инспирировано либо агентурой иностранных государств, либо оппозиционными деятелями из высшего дворянства. Несомненно, что «немецкий» указ Пугачева мог только утвердить ошибочные предположения Екатерины II относительно истинных инициаторов восстания. Императрица была кровно заинтересована в установлении личности человека, писавшего для Пугачева указ на немецком языке. В наказе чиновникам секретной комиссии, отправленном в апреле 1774 г. для производства следствия, суда и расправы над повстанцами, захваченными в плен под Оренбургом, Екатерина II писала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого

²² ЦГВИА, ф. 20. Дела о Пугачеве, кн. 4, л. 18.

²³ Там же, л. 17.

²⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. IX, ч. 1, стр. 276.

²⁵ «Красный архив». 1935, № 2—3 (68—70), стр. 262—203.

²⁶ ЦГВИА, ф. 20. Дела о Пугачеве, кн. 4, л. 1.

письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужестранцев, и не смотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине»²⁷.

Прибыв в начале мая 1774 г. в Оренбург, месяц назад освобожденный от блокады войсками князя П. М. Голицына, секретная комиссия сосредоточила главное внимание на расследовании дел ближайших сподвижников Пугачева (М. Г. Шигаев, И. Я. Почиталин, М. Д. Горшков, Т. И. Подуров, А. Т. Соколов-Хлопуша и др.), в их числе был и пленный подпоручик Шванвич. На допросе 8 мая 1774 г. думный дьяк повстанческой Военной коллегии И. Я. Почиталин показал, что «указ на немецком языке писал офицер Шранович, 2-го гренадерского полку подпоручик»²⁸. Эти же сведения тогда же подтвердил при допросе и пугачевский секретарь М. Д. Горшков²⁹.

17 мая 1774 г. был допрошен и сам Шванвич, рассказавший свою биографию, историю своего пребывания в плену у повстанцев, признавшийся в составлении «немецкого» указа и в переводе захваченных пугачевцами документов на французском языке и заявивший в заключение своих показаний, что «в рассуждении так несчастного казусу, последовавшего со мною, прошу у милостивейшей государыни помилования»³⁰. В своем докладе Екатерине II о результатах следствия над ближайшими сподвижниками Пугачева секретная комиссия писала: «Что касается до немецкого письма от злодея к оренбургскому господину губернатору писанного, то сие писал 2-го гренадерского полку подпоручик Шванвич, бывший в то время в полону и атаманом над захваченными в толпу злодейскую гренадерами, которого допрос в копии под литерою «Н» у сего подносится» и что «злодей Пугачев не имеет, кажется, посторонняго, а паче чужестранного руководства и способствования. Но споспешествовали ему в злодейских произведениях, во-первых, ящики казаки, а во-вторых, народное здешняго краю невежество, простота и легковерие, при помощи вымышленного от злодея обольщения их расколом, вольностию, льготою и всеми выгодами»³¹.

Эти известия, видимо, до какой-то степени успокоили Екатерину II, и она широко использовала их в переписке со своими зарубежными корреспондентами. В письме к Вольтеру, характеризуя Пугачева, Екатерина II отмечала: «Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего признака, чтобы он был орудием какой-либо иностранной державы или стороннего замысла, ни чтобы он следовал чьим-либо внушениям. И надо полагать, что господин Пугачев — разбойник-хозяин, а не слуга»³².

Удивительная и трагическая судьба Михаила Шванвича — человека, изменившего сословным дворянским интересам и офицерскому долгу, перешедшего на сторону повстанцев и верно служившего Пугачеву, привлекла внимание Пушкина. В истории Алексея Швабрина, одного из героев «Капитанской дочки», нашли отражение действительные события из жизни Шванвича.

Выходец из дворянской семьи, крестьянин императрицы Елизаветы Петровны, Шванвич получил хорошее светское образование, знал языки, математику, рисование, фехтование и другие «указные науки», обязательные для столичного дворянина. По вступлении в военную службу способности молодого офицера были отмечены генералом Г. А. Потемкиным (который вскоре стал всесильным фаворитом императрицы Екатерины II). Потемкин взял Шванвича адъютантом в свою свиту. Все, казалось, сочувствовало быстрой и блистательной карьере Шванвича. Но был канун Пугачевского восстания, и судьба молодого офицера, как это часто случается в жизни, пошла иным путем. В октябре 1773 г. Шванвич был прикомандирован к корпусу карательных войск генерала В. А. Кара, который следовал к Оренбургу для разгрома собравшихся там отрядов Пугачева. Но в начале ноября 1773 г. передовые части корпуса Кара были внезапно атакованы повстанцами и окружены у деревни Юзеевой под

²⁷ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. I, л. 1 (указ Екатерины II от 26 апреля 1774 г.).

²⁸ «Пугачевщина». Т. II, стр. 111.

²⁹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, лл. 92—93.

³⁰ «Пугачевщина». Т. III, стр. 215.

³¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, лл. 6—7 (доклад Оренбургской секретной комиссии от 21 мая 1774 г.).

³² Бумаги императрицы Екатерины II. «Сборник Русского исторического общества». Т. 27. СПб. 1880, стр. 3.

Оренбургом. Большая группа солдат и Шванвич с двумя офицерами оказались в плену у повстанцев. Шванвича, как и других офицеров, ожидала смертная казнь, но пленные солдаты заступились за него перед Пугачевым, сказав, что молодой офицер был добр и ласков к ним и ему надо сохранить жизнь. Присмотрев любовь и уважение солдат к Шванвичу, Пугачев не только простил его, но и оказал ему большую честь, назначив атаманом полка пленных солдат. Со своим полком Шванвич участвовал в боях под Оренбургом, показал себя исполнительным командиром. По отзыву Пугачева, Шванвич «служил ему охотно, бывал на сражениях под Оренбургом». Но Шванвич отличился в стане пугачевцев не столько боевыми делами, сколько секретарской службой в повстанческой Военной коллегии³³.

На московском допросе 4—14 ноября 1774 г. Пугачев рассказал, при каких обстоятельствах произошло назначение Шванвича в Военную коллегию: «Помянутой офицер Шванович ходил к нему почаству, и он, Емелька, в одно время, и имянно в Рождество Христово, увидя Швановича, спросил, откуда он. И оной ему сказал: «Я де ис Петербурга, и меня де государыня Елисавет Петровна крестила». И он, Емелька, зжалился по нем, и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку, а потом спросил его: «Умеешь ли ты по-немецки?» Шванович сказал: «Умею». И он, Емелька, дав ему бумаги лоскут, велел написать по-немецки. И Шванович, написав, показал ему, Емельке. Он, взяв бумагу, хотя и ничево не смыслит, однакож дал знать, что он будто читал и потом сказал: «Хорошо пишешь. Так будь же ты в Военной моей коллегии. Как там што по иностранны случиться писать, так пишш»³⁴.

Примерно подобные же сведения сообщил в своих показаниях на допросе в Оренбурге 17 мая 1774 г. сам Шванвич: «Призвал меня Пугачев к себе и говорил: «Я де слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках». На то я сказал: «Умею, надежа-государь». А он дал мне перо в руки и лист бумаги, приказал написать внизу, указав место пальцем, по-швецки. Но, как я не знал по-швецки, то написал по-немецки. А потом говорил: «Напиши еще, какой ты знаешь язык». То я написал ему по-французски. Писал же сии слова: «Ваше величество, Петр Третий». А Пугачев, взяв тот лист, и смотрел про себя, и сказал: «Мастер»³⁵.

Любопытно отметить, что листок с упражнениями Шванвича сохранился среди документов Оренбургской секретной комиссии³⁶. Внизу листка рукой Шванвича написано по-немецки готической скорописью: «Ihre Majestete, Peter der Dritte»³⁷ и по-французски «Votre Majestè, Pierre le Grand»³⁸. Непосредственно над этим рукой Пугачева начертаны те самые знаки, которые он выдавал за иностранную скоропись³⁹. Свой «текст» неграмотный Пугачев оставил на этом листе спустя некоторое время после упражнения Шванвича. Двойной автограф Пугачева и Шванвича был обнаружен вместе с двумя другими автографами Емельяна Ивановича в Бердской слободе в доме казака Ситникова, в котором в октябре 1773 — марте 1774 г. находилась ставка предводителя Крестьянской войны. Вскоре после того, как Шванвич был «проэкзаменован» Пугачевым в знании иностранной грамоты, он и составил «немецкий» указ к Рейнсдорпу.

В своих показаниях на следствии Шванвич признался также и в том, что он, находясь в штабе Пугачева, составил по просьбе М. Д. Горшкова и И. Я. Почиталина для нужд Военной коллегии французскую азбуку, перевел с французского захваченное повстанцами письмо от генерала князя П. М. Голицына к Рейнсдорпу, но категорически отрицал свою причастность к составлению каких-либо других бумаг от имени Пугачева и в постановке латинских подписей («Piter», «Petri») под его манифестами и указами, утверждая, что эти подписи делались, видимо, пленными польскими конфедератами, находившимися в лагере повстанцев под Оренбургом⁴⁰. И в этом отношении показания

³³ Г. П. Блок. Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи). «Звезда», 1940, № 10, 11.

³⁴ «Красный архив», 1935, № 2—3 (69—70), стр. 202.

³⁵ «Пугачевщина». Т. III, стр. 212.

³⁶ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 508, ч. II, л. 155.

³⁷ Перевод: «Ваше величество, Петр Третий».

³⁸ Перевод: «Ваше величество, Петр Великий». Оба текста обведены справа круглой скобкой и сопровождаются надписью рукой секретаря Оренбургской секретной комиссии С. З. Зряхова: «Оное писал подпоручик Шванович, о чем и в допросе его показано».

³⁹ См. Р. В. Овчинников. Автографы Пугачева. «Вопросы архивоведения», 1960, № 6.

⁴⁰ «Пугачевщина». Т. III, стр. 212—214.

Шванвича заслуживают большего доверия, нежели рассказ Пугачева, который на симбирском допросе 2—6 октября 1774 г. под явным давлением пристрастных следователей оговорил молодого офицера, заявив, что «под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванович, вместо самого злодея по латыни «Петер». Сверх того, слышал он, злодей, от Горшкова, что оной думной дьяк злодейской коллегии обще с Шванвичем писали указ на немецком и французском языках, но куда оной указ послали,— злодей неизвестен»⁴¹. Графический анализ латинских подписей под манифестами и указами Пугачева не позволяет идентифицировать их с почерком Шванвича; не подтверждается источниками и вторая часть показания Пугачева, данного к тому же в весьма предположительной форме (со слов М. Д. Горшкова).

В начале апреля 1774 г. карательные войска князя П. М. Голицына разгромили отряды Пугачева в битве у Сакмарского городка под Оренбургом, захватили в плен до 3 тыс. повстанцев. В числе их оказались видные сподвижники Пугачева (М. Г. Шигаев, М. Д. Горшков, Т. И. Подуров, А. Т. Хлопуша-Соколов, И. Я. Почиталин), а также и Шванвич. Он понимал, что его единственной ставкой на жизнь могло быть только откровенное признание и чистосердечное раскаяние. На допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии Шванвич не пытался скрыть что-либо из своих деяний в стане Пугачева, и его показания почти ни в чем не расходятся с показаниями видных руководителей восстания. Он откровенно признался, что истинной причиной его перехода на сторону повстанцев было не что иное, как страх за собственную жизнь. «Служил у него (Пугачева) из страха, боясь смерти, а уйти не посмел, ибо если-бы поймали, то повесили»⁴². Один из чиновников секретной комиссии, гвардии капитан-поручик С. И. Маврин, дал следующую примечательную характеристику Шванвича: «Взят неволею (в плен к повстанцам — *Р. О.*), явился сам, и притом человек не из числа мудрецов. Мнитесь, что простить можно»⁴³.

Но окончательное решение судьбы Шванвича было перенесено в Москву, куда были собраны для следствия и суда главные руководители восстания во главе с Пугачевым. Все подследственные содержались в одиночных камерах Монетного двора, превращенного в тюрьму. Власти сделали единственное снисхождение для Шванвича, как бывшего офицера и дворянина, приказав содержать его без кандалов. По суду он был отнесен к шестому «сорту» (разряду — *Р. О.*) преступников, которые, по лишении всех гражданских и политических прав, подлежали вечной ссылке. В приговоре по делу Пугачева и его соратников было определено: «Подпоручика Михайлу Швановича, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, перелома над ним шпагу», за то, что он, «будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти»⁴⁴.

10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве были казнены Пугачев и четверо его товарищей (А. П. Перфильев, М. Г. Шигаев, Т. И. Подуров, В. И. Торнов). Здесь же на площади палачи сломали над Шванвичем шпагу — символ дворянского достоинства, и в тот же день он был отправлен в ссылку в Тобольскую губернию. Конвойный офицер, сопровождавший Шванвича, вез указ к тобольскому губернатору Д. И. Чичерину, которым предписывалось «содержать его (Шванвича — *Р. О.*) с возможной осторожностью, дабы иногда не сделал утечки, и никогда никаких доносов от него не принимать»⁴⁵.

Местом ссылки Шванвича тобольский губернатор назначил глухой город Сургут в низовьях Оби, — «яко место, отдаленное от больших дорог»⁴⁶. Однако Сенат не согласился с решением губернатора и распорядился сослать Шванвича в далекий Туруханск, «как в такой город, откуда уйти он не может и дать ему свободу питания своею работою»⁴⁷.

⁴¹ «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 114.

⁴² «Пугачевщина». Т. III, стр. 214.

⁴³ Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. Панины, д. 9, л. 7 (при письме С. И. Маврина генералу П. С. Потемкину от 7 августа 1774 г.).

⁴⁴ Полное собрание законов. Собрание первое. Т. XX, № 14233 (сентенция от 10 января 1775 г.).

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VI, д. 512, ч. III, л. 104.

⁴⁶ Там же, ф. Секретная экспедиция I департамента Сената, д. 297, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 2.

В те времена Туруханск представлял собою заброшенное поселение на «краю света», в болотистых низовьях Енисея. В этом диком краю, где лютый холод на полгода сковывает бесплодную землю, где бураны сбивают с ног, люди с трудом добывали пропитание на скудную жизнь охотой и рыбной ловлей, Шванвичу ни к чему были «указные науки», которым он выучился в юности, и он вынужден был зарабатывать свой хлеб тяжелым физическим трудом. Страшнее физических мук, холода и полуголодной жизни были нравственные страдания человека, на всю жизнь отрешенного от привычного общества, друзей и родных. О том, что представляла собой сибирская ссылка тех времен, что ждало ссыльных в этом суровом краю, достаточно откровенно писал один из чиновников сибирской администрации в начале XIX века: «Быть разлучену с семействами, проститься навсегда с предметами, окружающими от колыбели, разорвать связи души, потерять все права на политическое существование,— не значит ли умереть? Подобный мертвец приходит к новой жизни путем трудным и продолжительным, в течение которого теряет остальную энергию души своей, делается совершенно равнодушным для пороков и добродетелей — и потом действует снова по увлечению»⁴⁸. В таких условиях Шванвич прожил много лет.

В архивных документах 1801 г. удалось разыскать некоторые сведения о Шванвиче. Он прожил к тому времени в туруханской ссылке более 25 лет и, очевидно, не предполагал, что власти в Петербурге снова займутся решением его участи. Но в 1801 г., по вошествию Александра I на престол, была ликвидирована Тайная экспедиция Сената и для пересмотра участи лиц, осужденных по решениям этого учреждения, была создана Комиссия по пересмотру прежних уголовных дел, которая собирала сведения о каторжных, ссыльных, тюремных и монастырских арестантах по всей Российской империи и определяла их последующую судьбу. В ведомости, присланной в Комиссию из Сибирской губернии, были перечислены ссыльные, находившиеся в Туруханске, и среди них — Шванвич вместе с двумя другими пугачевцами — Семеном Толкачевым и Степаном Арзамасцевым⁴⁹. По поводу всех ссыльных пугачевцев Комиссия подала доклад Александру I, высказав мнение о том, что желательно оставить их в прежнем положении, без какого-либо облегчения участи. Согласившись с мнением Комиссии, Александр I утвердил доклад надписью: «Быть по сему»⁵⁰. Шванвич умер в Туруханске в ноябре 1802 года⁵¹.

Михаил Шванвич стал прообразом пушкинского героя «Капитанской дочки» — Алексея Швабрина. При значительном сходстве во внешних событиях жизни литературного героя и его прототипа необходимо указать на глубокое расхождение в их характерах, на различие в тех обстоятельствах и побудительных причинах, которые привели каждого из них в лагерь Пугачева. Для Швабрина, человека злой воли, самолюбивого, властного, озлобленного неудачами, добровольный переход на сторону Пугачева был рискованной авантюрой, предпринятой с целью поправить собственные дела. В Шванвиче же виден человек добрый, мягкий и слабый. Он из тех людей, которые покоряются чужой воле и из принуждения служат тому, на чьей стороне сила. Про Шванвича можно сказать, что он стал жертвой несчастных обстоятельств, так же, как и другой герой «Капитанской дочки», Петр Гринев (кстати говоря, Пушкин при обрисовке облика Петра Гринева использовал некоторые черты характера Шванвича и обстоятельства его жизни). Если бы не Пугачевское восстание, Шванвича ждала бы обычная судьба среднепоместного дворянина. Восстание круто переменяло его судьбу. Из страха за собственную жизнь он перешел на сторону Пугачева с неохотой, но добросовестно служил ему и понес за это жестокое наказание. Приключения Михаила Шванвича, дворянина-пугачевца, автора «немецкого» указа Пугачева, являют собой любопытную страницу в летописях Крестьянской войны 1773—1775 гг. и в творческом наследии Пушкина.

⁴⁸ А. П. Степанов. Енисейская губерния. Ч. 1. СПб. 1835, стр. 182.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VII, д. 3704, ч. 36, л. 10.

⁵⁰ Там же, ч. 3, л. 4.

⁵¹ Рапорт тобольского губернатора Б. А. Гермеса генерал-прокурору Сената Г. Р. Державину от 28 марта 1803 г. — ЦГАДА, ф. Госархив, разряд VII, д. 2047, ч. X, л. 231.